

ЛЮБОВЬ БЕССОНОВА

ДЕПРЕССИЯ

Библиотека журнала «ГОРОД»

**Литературное агентство Вячеслава Смирнова
г. Тольятти
2002**

ББК 84Р7
ISBN - 85234-094-0

Редактор **Вячеслав Смирнов**
Художник **Марина Шляпина**

*Идея Вл. Мисюк
Руководитель А. Фанфора
Разработчик В. Смирнов*

Издание осуществлено при поддержке
департамента культуры мэрии г. Тольятти

Любовь Бессонова. «Депрессия». – Тольятти, Литера-
турное агентство Вячеслава Смирнова, 2002. – 96 с.

© Л. Бессонова, 2002.
© М. Шляпина, 2002.
© Литературное агентство
Вячеслава Смирнова, 2002.

Високосный

То хочется уйти и не вернуться.
То хочется уснуть и не проснуться.
То снова – на вокзалах ночевать.
Мои друзья почти не предавали.
Мои друзья почти поумирали.
А я им запрещала умирать.

Мои друзья мне нравились любые –
Смешные, глупые, седые, молодые,
Кто в гневе, кто в печали, кто в любви.
То трезвые, то пьяные без меры.
Безбожные, но ищущие веры.
Любые, но мои, мои!..

...Молчите вы. Видать, и вам не сладко.
Заходит год, как лайнер на посадку,
Проклятый, високосный, затяжной.
Отчаянья и слабости минута.
Душа трещит, как лямка парашюта.
И полыхают годы за спиной.

Больше некому на руки пасть.
Ни на грудь, ни на плечи.
Приближается Время тоски –
Вечер.

Было: яблоку негде упасть
В этой вечной юдоли вечерней.
Ныне – некого больше связать
Тихой лаской дочерней.

Потому-то мы тянемся ввысь
Независимо с вами.
Потому-то деревья сплелись
В пору сумерек всеми ветвями.

Даже птицам уже не достать
Наш полет одинокий.
Но мы встретимся там, где опять
И светло, и высоко.

Построй мне замок на скале высокой,
Чтоб недоступно в башне я жила.
Целуй меня и нежно, и жестоко,
Чтобы годами я тебя ждала,

На стук кареты, шум автомобиля,
Гул самолета – выбегала на балкон
И выдыхала с вековым бессилем:
Не он! О, Господи! Не он... не он...

Так чувства неизменно старомодны,
Но утекают верно, как река,
Когда любить и не любить свободны.
Любовь крепка. А башня – высока.

Проводы в эмиграцию

Ты говоришь о чем попало,
Пустить пытаясь пыль в глаза,
И лампой слабого накала
Бледнеешь через полчаса.

Твоя звезда зовет в Израиль.
Моя – принадлежать Руси.
Но я тебя не презираю
Нисколько, Боже упаси!

Ты так мечтаешь о приволье
Без нескончаемых обид
И беспорядочных застолий,
Которыми по горло сыт.

Но – слабый сын своей природы –
Ты, в лучшем случае, на треть,
Тебе в любое время года
Утробу хочется согреть.

Нет, не сломать печатей ада
Заложникам капризных тел.
И ты глядишь, глядишь с досадой
На оставляемый предел.

Депрессия-1

Ей отключили электричество.
Она блуждает в темноте.
И водки энное количество
Побулькивает в животе.

Тоска по жилам разливается –
Такую водкой не унять.
А как все это называется –
Ей абсолютно наплевать.

Луна веревочною лестницей
Висит у мира на краю.
Она ведь даже не повесится,
Поскольку хочет быть в райо.

Виктору Петрову

Что кузнечик с зеленым смычком,
Что ребенок с дырявым сачком,
Ловит нас легкой кистью художник,
Притворяясь лесным дурачком.
Были бабочки на цветах,
А теперь в отведенных местах.
Мы – как бабочки на булавках,
На рисунках его и холстах.
Дорогие знакомые лица
И привычная суета.
Но отброшена я композицией
В самый дальний угол холста.

В больничном парке

Я здесь живу.
Причудливо и страшно
Растут дома,
Качаясь, как деревья...
Качается луна в квадратном небе.
Я здесь живу! Квадратная звезда
Мне освещает путь. И деревянный
Костыль со злостью землю протыкает...
Насквозь! Насквозь!..
В больничном парке вечер...
Качая ветку, дремлет птица... Ветер
Ее обходит с нежностью, как брат,
Как сорок тысяч братьев!..
Медсестра меня уводит,
И уже вдогонку
От Волги тянет влажною прохладой,
Смолистой лодкой, рыбою речной
Под круглой, как положено, луной.

О

Окраинный
обычный
обиход –
острог,
обитель,
облачность,
окрестность...
Окаменелый
отставной
оплот,
отживший,
одураченный,
отлевший.
Объятья
очагов,
обилие
одежд,
обмолвки
обморока,
ока
остыванье,
очередей
обоймы,
од
оркестр...
О!
Оттепели
остро
ожиданье!..

Моя муз

Падает занавес...
занавес...
занавес...
занавес!
Отсвет на лицах
лежит предзакатным лучом.
Жизнь начинается заново...
заново...
заново!

Есть о чём плакать
и есть посмеяться о чём.

Что же молчишь, моя муз?
Моя предзакатная
Мука, моя домовина, моя колыбель,
Крестный мой путь
и земная дорога обратная,
Тридцать царств моих,
тридевять милых земель.

Падает занавес,
занавес,
занавес,
занавес...
Вот уже дудку лукавый берет
Крысолов.
Что же, прощай, моя муз,
мой праздничный благовест!
До — воскресенья
моих неразгаданных снов...

Не вожделею книгу к юбилею.
Я так своих товарищей жалею,
Когда они мальчишески тщеславны
И каждый – самый гений, самый главный...
А я боюсь конца тысячелетья.
И жизнь уже непоправимей смерти.

Русский авангард

Язык предметов, линий и цветов
Творил свое бездомное цыганство,
А мир еще взглядеться не готов
В то буйное и дикое пространство,

И он спешит бежать в привычный круг,
В уют домашний линий прирученных.
Да тут еще – двойной звездой Бурлюк,
Безумный Хлебников, назойливый Крученых.

“Футурум” – обозначены холсты,
А в них – душа, которая – потемки.
И есть ли смысл у *этой* красоты,
Узнают только дальние потомки.

...И то ль родимый скепсис виноват,
Или дремучесть-дура виновата,
Но заслонился русский авангард
Простым надгробьем “Черного квадрата”.

Забудем мелочные распри,
Простим обиды и долги.
Скупых слезинок наших капли
Прожгут конвою сапоги...

А в голос мы не зарыдаем
И не заломим бледных рук.
Давным-давно мы цену знаем
Земных игрушечных разлук.

Все растворится в лунном свете,
И мы похожи станем все,
Как заблудившиеся дети
Или как братья во Христе...

Так что же мы для неба значим?
В чаду эмоций и страстей
Мы от себя сомненья прячем,
Как прячут спички от детей.

Тучи

В темную громаду вырастая,
Быстро забывая о земле,
Мы плывем, как музыка простая,
О земной печальной влажной мгле...

Даже не мелодия, а нота –
Низкая, басовая, одна,
Вечная бессонная дремота,
Вечный путь без отдыха и сна.

Мы летим в бездонность и безбрежность,
Сквозь столетья, луны и огни...
Не зови нас, маленькая нежность.
Мы – одни.

И вовсе я не набиваю цену,
Я просто не люблю большую сцену,
Особенно ходить по ней пешком,
Особенно одной и с посошком.

Она как жизнь пугающе огромна,
Ходить по ней и страшно и нескромно,
Особенно туда-сюда пешком,
Особенно одной и с посошком.

Поэтому я предлагаю вместе
Нести в народ свои благие вести.

Несбывшееся

Зазываемы метелями,
Мы шагнули в темноту...
Поцелуи карамелями
Сладко таяли во рту.

В ресторанчике “Иверия”
Пили терпкое вино.
Так давно слова растеряны,
Словно канули на дно.

Ни отечства, ни отчества,
Ни фамилий, ни имен...
Я тобою заморочена,
Или ты в меня влюблен?

Но не все еще отринуто,
Отодвинуто назад –
Слишком много нами выпито,
Чтобы – ночью, наугад...

В ресторанчике “Иверия”
Среди временных измен
Символ пьяного доверия –
Падшим ангелом – бармен.

На прощание поклонится
Так небрежно, головой...
Дверь тяжелая захлопнется
Глухо – крышкой гробовой.

Возвращение

Так наивно верилось
В рай в шалаше,
И что старый друг –
Просто Друг.
Так темно и страшно
В усталой душе.
Так темно и пусто
Вокруг.

Возвращаешься в город,
Как в дикий лес –
Ждешь чудес
Или хочется спать...
Пахнет даже вокзал,
Как чужой пес,
И не хочет тебя
Узнавать.

Тени флагов полощутся
Средь площадей,
Как застиранное белье.
Этот город забыл
Даже имя свое,
Что ему –
Имена людей!

По судам затаскают,
Натравят собак
В назидание глупым другим.
Только старый враг –
Это верный враг.
И не страшно, не скучно с ним.

Окликал меня негромко.
Я просила: помолчи...
Сон запутался в постромках
Убегающей ночи.

Я в потемках, как в потомках,
Растворилась – ох и ах...
Жизни тощая котомка
Тяжелеет на глазах.

Жизнь жестка, как власяница,
И постыла, как в конце.
Мне никто уже не снится
С тихой нежностью в лице.

Волчица

Устала старая волчица
Ждать смерти с четырех сторон,
Она готова погрузиться
В тяжелый непробудный сон.

Молчит инстинкта голос сонный.
Пруд, словно бред минувших дней,
Озnobным воем подметенный,
Молчит, как жертвенник, пред ней.

Вонзился отголосок лая
В немотствующий небосвод –
Не то о чем-то умоляя,
Не то приветствуя исход.

Э. И. Пашневу

Сомкнутся, как кусты сирени,
Две створки занавеса, и...
Пленительные смолкнут тени,
Секрет выболтав свои.

А ты потом тревожно думай
Все дни и ночи напролет:
Мир – о веселый, то угрюмый –
Свои загадки задает.

Секреты, тайны и загадки,
Небесполезен ваш улов –
О, театральные повадки
Заветных потаенных снов!

Понять почти что невозможно,
Откуда эта маята.
Опять пройдем по бездорожью
От колеса и – до креста.

Не намечали – намечтали! –
Вселенной авторский портрет.
Полоской раскаленной стали
Сквозь занавес пробьется свет.

Лечиться я ненавижу –
Больниц не переношу.
Мне та, что с косою, ближе,
Чем выпивка – алкашу.

Она не предупреждает,
Не мучает наперед,
И даже не угрожает,
А просто стоит и ждет.

B. Мисюку

Дворник ненавидит снегопад,
Поминает тихо всех святителей...
Снег – малыш, который виноват
В том, что он – обуза для родителей.

Он лежит, распихан по сугробам,
Чист еще, как детские грехи.
Терпеливо ждет, когда же выйдут
Погулять котята и щенки.

Смерть опять убегает прочь,
И уже догонять – лень.
Зарываю глаза – ночь.
Открываю глаза – день.

Ничего не докажет мне
Это зеркало на стене –
Я сама выбираю, где
И когда оказаться мне.

День ангела

E.T.

Старый ангел крылья сложит,
Сронит ветхое перо...
Стариковски подытожит
Судьбы и глотнет ситро.
Беломорину закурит,
Дыма горького вдохнет,
Он один за нас горюет,
Он покурит и придет.
Постучится на ночь глядя,
(Он везде отыщет нас!)
И морчиночки разгладит
И на сердце и у глаз.

Горбун

На площади, заплеванной за праздник,
Усыпанной конфетной чешуей,
Он ощущил себя как безлошадник,
При дележе обманутый семьей.
Роились мухи около киоска
Над лужей газированной воды.
Непобедимо тлела папироска.
Он ненавидел меты и следы!..
Так долго жить в плену противоречий
И множить бесполезные года...
Так долго он мечтал расправить плечи
И сверху посмотреть на города!
И отдал все за вечную свободу.
И больше не был червем и рабом.
Он грузно брел один по небосводу.
...но землю подпирал своим горбом.

Актриса

...войти в гримерку,
Сесть на подоконник,
Где виден призрачный вечерний синий свет
И терпеливо топчется поклонник,
Терзая зимний дорогой букет.
И гололедом скованы улыбки,
Снегами забинтованы сердца,
А в рыбный день и золотые рыбки
Плынут к столу холодного дельца.
Аплодисменты стихли. В зале - пусто.
Как больно маску теплую снимать!
Божественное пение искусства
На хриплый шепот жизни променять.

Акростих

Ласка твоего, любовь, соседства -
Южной ночи слаще и темней.
Бог мой! Никуда уже не деться,
А она все жарче, все нежней...

Бег, прыжок! Остаться невозможно...
Если силы есть - и твой черед.
Соро - осень, скоро - очень поздно.
Соро осень планочку собьет.
Осень - это лето на исходе,
На подходе - мудрая зима.
Осень - время мужества в природе,
Вней довольно сердца и ума.
Ах, ведь ей сестра - любовь сама!..

Все понятней становится позже –
Не тогда, когда сердце болит.
Не тогда, когда дрожью и ложью
Все отравит и все опалит.
Не тогда, когда плачешь и злишься,
И грозишься в эфир кулачком,
И бескрылой беспомощной птицей
Ударяешься оземь ничком.
И обугленной смуглую кожей
Прижимаешься к черной земле...
Все понятней становится позже,
Но - когда бесполезно уже.

В мастерской художника

Ты говорил, что я –
брюлловской кисти.
Твой друг твердил, что –
с полотна Кустодиева.
А я... А я читала ваши мысли,
Хоть знала, что и правда не уродлива...
В жестянку из-под импортных сардин
Зеленый приторный ликер мне подливали.
Все говорили иронически про сплин,
А Блока так безбожно переврали!
Твой друг ушел на поиск сигарет.
А ты сказал, что я свалилась, видно, с Марса.
Я, уходя, к стене поставила портрет,
Написанный с меня за два сеанса.

Все выпито.
Все выпито до дна!
Я не привыкла оставлять вино...
А что это – беда или вина –
Уже давно мне просто все равно.

Я не могу застыть на полпути,
И лучше не кричать “остановись”:
Я буду спотыкаться, но – идти,
Пусть это даже путь не вверх,
а – вниз.

Могу я быть добра, кротка, тиха,
А захочу - и злю, и гомоню.
И как бы ни казалась я плоха,
Я все равно гордыню сохраню.

От глупостей не откажусь своих,
За них я дорогой ценой плачу.
А мне за все одна награда – стих.
Да! Падаю! А, может быть, – лечу...

Богема

Беседа закипает, словно чайник.
Слова слетают пузырьками с губ.
Здесь все равны – молчальник,
Беспечальник.
В обнимку – альтруист и душегуб.
Здесь все стихи почти что гениальны.
И женщины тщеславны по-мужски.
Здесь ходит рюмка бабкой повивальной,
Развязывая резво языки.
Рассвет глаза тенями обозначит.
На улице – то снег, то листопад.
Печаль больною девочкой маячит.
Ее не гонят, но уже бранят.
Глаголют дружно эрудит с невеждой –
То самобичевание, то спесь.
Изношена надежда, как одежда,
И межсезонье поселилось здесь.

Всемирный потоп (отрывок)

“... плюс электрификация...”

...отзвенели колокола,
Позабыты заветов слова,
По деревьям бежит смола,
Небо выцвело добела;
Вырубаются все сады,
И сыра, как от слез, земля
От предчувствия скорой беды...
Отзвенели колокола,
Колокольчики в тучных стадах,
А в повырубленных садах
Поднялась в полный рост лебеда,
Как ватага “зеленых рубах”.
Мгла сгустилась в глазах стариков –
Точно жизни на чаше весов, –
А разъятые рты сундуков
В медном блеске узорных оков...

Все чаще пробуждаюсь в темноте.
Зима, как видно, близко подступила.
Ты знаешь, я еще не разлюбила,
А пламя потускнело в высоте.
Но непокорна музыка в груди,
Но слышен голос нежности далекой.

Я никогда не буду одинокой,
Ты за меня не бойся. Уходи.

Все эти вороньи ухватки
И эти случайные жесты...
Ты взглядом, как плащ-палаткой,
Удержишь мяня на месте.
Но, милый, надолго ли это?
Смешно даже думать о будущем.
Усмешки мои - корветы
В любви твоей море бушующем.
Зима подступает.
Пожалуй,
Тебя я опять пожалею –
Разжалованным адмиралом
Чтоб ты не повис на рее.
Давай потоскуем вместе.
Давай потоскуем просто.
Я - твой коралловый остров,
Необитаемый остров.

День рождения

...день моего рождения
Еще не кончился —
Он длится и длится,
Как поцелуй единственной любви.
День моего рождения давно начался,
Но длится он и длится,
Как последний поцелуй на перроне.
День рождения еще не кончился,
А день смерти уже начался.
Вот она — моя жизнь —
Рождение и смерть
В одном долгом поцелуе.

Депрессия-2

T. Калашниковой

Настала странная пора:
С друзьями пиво пью,
Играю в карты до утра
И в грудь себя не бью.

В любви не объясняюсь Вам,
Не каюсь в той вине
И обнимаю глупых дам,
Не тая при луне.

Не покупаю у старух
Любимых желтых роз,
Газетой бью проклятых мух
В тумане папирос.

Я ем культурно, по часам,
Толстею день от дня,
И паутина по углам
Не трогает меня.

Я пью дешевое вино,
В тупые глядя лбы.
Как будто умер я давно,
И мир меня забыл.

Души взмывает окаянство
На небо – облаком живым.
И разрывается пространство
Ее разрядом грозовым.

И вот колеблется сознанье,
Мерцая слабо, как во сне.
Жизнь убывает, как дыханье
На замерзающем окне.

Она на две неравных части
Распалась, – кто ей запретит?
Одна – все время убывает.
Другая – все летит, летит...

Еще я ожидала чуда,
Еще я чуда ожидала...
Но веет холодом оттуда,
Где пламя душу целовало.

Так – в мертвом выстуженном доме.
Так – в доме мертвом и пустом...
Глазницы окон смотрят – вдовьи, –
И ставни сдерживают стон...

Так вырубленный сад чернеет,
И только пнями полон сад...
Молчи. Молчи! Никто не смеет
Ступить назад.

Из цикла “ПОСЛЕ ЖИЗНИ”

Что же, знала, что и я допою
И бог вынет душу,
Как берут интервью!..
Ночь вышла на улицу,
Страшась безлюдья.
Луна кормит светом –
Лунною грудью.
Пыльные собаки бредут меж домами,
Они не хотят повстречаться с нами,
Они воют на мертвых,
Лают на живых,
И – на всякий случай – едят за двоих.
Электрокамин – как любовь проститутки, –
Греет лишь тело... И то – не всегда...
Душа отлетела на третий сутки.
Боже! Не посытай меня снова туда!..

...и видела во сне свое лицо,
Мне зеркало волшебное приснилось...
На сотни разноцветных леденцов
Лице мое веселое разбилось.
Вскричала я: “Нахмуренный юнец!
Хватай мою улыбку-леденец!
От скуки, что вокруг тебя витает,
Прячь за щекой,
Покуда не растает...”

И нет Любви. Как не было любви.
А было сладко это заблужденье...
Ты, сердце глупое, не плачь и не зови –
Все было только сон и наважденье.

Я создала страдание свое
Искусством слова и воображенья, –
И нет любви! Как не было ее!
А было сладко это заблужденье!

Любовь, как платье, сношена до дыр.
Как поле, пройдена от края и до края.
Но будет новый миф – как новый мир.
И воспою его и отрыдаю.

И, ощущив бессилие впервые,
жестоко разуверилась в судьбе...
Дни мчатся – золотые, заревые,
А свет сошелся клином – на тебе.
И позабыты сны мои былые,
И в прошлое давно закрыта дверь.
Дни мчатся – заревые, золотые,
Бессмысленно-ненужные теперь.
И, жизнь свою натужно продолжая,
Душою рвусь беспомощно рыдать.
А в зеркале мне женщина чужая
Улыбку шлет заученно опять.

*Из цикла***“ГОД РОЖДЕНИЯ” 1930**

Опохмелочная маэта,
Два стакана вина в киоске,
Замусоленная папироска
В уголке тонкогубого рта.
“Сикось-накось”, “ядрена вошь”, –
Лексикон немудрящ, как штопор,
И невесел, как хмурый опер,
Зубы выбивший на за грош.
Небоскребно обматерит
Этих гадов... на Ближнем востоке...
Кровь, запекшаяся в водостоке,
Тротуаров не обагрит.
От пивнушки и до станка.
От станка – и опять к пивнушке...
Правнук сокола, сын кукушки,
Перепуганный на века.

Куда деваться бедному студенту?
Да не бросать же университет.
Куда податься русскому поэту?
Поэт – в России, если он – поэт.
Конечно, можно уезжать за океаны
И слать оттуда деньги и – привет...
Но здесь витает тень великой Анны:
Поэт – в России, если он – Поэт.
Болит душа, которая повинна,
Поскольку на бездушье боли нет.
Обрезана судьба, как пуповина:
Поэт – в России, если он – поэт...
Бродить, как Бродский, вечным иудеем,
Но точно знать, где негасимый свет,
И ведать, от разлуки холода:
Поэт – в России, если он – поэт...

Монолог женщины

Ни для кого во мне упрека нет –
Я сквозь ресницы вижу белый свет.
Но люди лгут. Лгут книги, зеркала...
Понять так трудно мужние дела!
Мое призванье –
кухня, церковь, дети.
Но я живу!
Живу на *этом* свете.
А этот свет безжалостно велик.
Он навязал мне собственный язык.
И я кручусь локатором в дыму,
Призывов ваших смутных не пойму.
Детей у нас воруют – мы звереем.
Мужчины нас ревнуют – мы смелеем.
Мелеем, как речушки, как ручьи.
Мы – сами по себе.
Совсем ничьи.
Сиротство ваших женщин и детей –
От ваших болтавшихся страстей.
Где сильные развернутые плечи?
Одни слова!
Одни и те же речи!
Я не хочу быть умной – мне не надо
Почтенья – пузырьками лимонада.
Мне скучно – знать.
Мне сладко – целовать.
Живое сердце – мертвому отдать...

Моя маленькая келья –
Келья только поневоле,
И “затворнице прекрасной”
Снится воля: лес да поле.
Снятся радуги шальные,
Снятся дождики грибные,
Снится ей цветущий сад...
Русской баньки аромат!
Снится вечер, берег Волги,
Полыхающий костер
И с друзьями долгий-долгий –
Бесконечный разговор
И гитарное веселье...
Все красивы, все добры...

Моя маленькая келья -
Келья только до поры!

Не быть бы мне женой царя,
Не быть бы мне сестрой царя,
Не быть бы дочерью царя,
Ни прихотью царевой...
А просто вечной глиной быть,
В руках гончарных глиной быть –
Простые души веселить
Свистулькою рублевой.

Не надо вовсе мне дворца,
Во слуги-други хитреца,
Не надо даже мудреца,
Ханжу и доброхота.
Мне зваться попросту – жена,
Сидеть мне с прялкой у окна,
И видеть прямо из окна,
Как ты идешь с работы.

Не плыть мне птицей в небесах,
Не рыскать рысью во лесах,
Охоты царской во лесах
Не забавлять оленем,
Ни серым волком, ни агнцом,
А пред Богом и Отцом
Бледнеть обыденным лицом
И падать на колени.

Не надо меня больше хоронить –
Помилуйте! Уже неостроумно!..
Меня ведет связующая нить
Туда, где многолюдно или шумно,
Где празднуют с утра и дотемна,
Вкушая от небесной птичьеи манны...
А мне давно милее тишина,
И теплый плед, и толстые романы.
Теперь я не жалею ни о ком –
Спешу домой, где холодно и пусто,
И весело хрустит под каблуком
Невечный снег – неверный, как искусство.

Не станем говорить обиняками:
Стакан наполнен ровно по судьбе.
Как хорошо, что не в одном стакане
Мы ищем утешения себе!

А мой стакан еще до края полон –
Несу к губам без страха расплескать.
И да не будет шаг и жест безволен!
Не оскудеет без стихов тетрадь!

И создавать кумиров то и дело –
Что за пристрастье вечное – мечтать!
Немного жаль, что сердце опустело,
Зато полна заветная тетрадь!

Непогода

Мир дрожит от холода и мрака.
Солнца и тепла напрасно ждем.
Дождь идет, и мокрая собака,
Совершенно мокрая собака,
Абсолютно мокрая собака
Бестолково мокнет под дождем...

Ни денег, ни зреши, ни хлеба
Давно у судьбы не прошу.
Под осени бледное небо
Печали свои выношу.
От стылого неба дневного
Я вся — как чужая страна.
Ищу сокровенного слова,
Звучащего, словно струна,
Которое (даже в молчанье)
Не с голоса — с сердца звенит,
Вернет мне живое дыханье
И с миром опять породнит.

Ночные ужасы

Меня не трогает никто...
И я не вижу никого...
Но – шорох,
шорох,
шорох!!!
Под одеялами, в пальто...
Но нет, конечно, никого
В пустынных коридорах!
За занавеской тень дрожит,
Мозги туманит ужас...
Скитаюсь я, как Вечный Жид,
Но ужас сердце холодит,
Как пьяный росс беснуясь.
Вот кто-то дышит за спиной,
И мне невмочь дышать самой.
Я не дышу, я слышу
Все ужасы всех этажей –
Жен, старииков, детей, мужей, –
Всех – от крыльца до крыши.
Нет, дверь надежно заперта,
И не боюсь я ни черта!
Но судорога страха
Меня, как скользкая змея,
Сдавила. Беззащитна я.
В поту моя рубаха.
Пора лечиться, милый друг,
Пока не взяли на испуг, –
Ножом за голенищем...
Но вдруг – среди теней ночных
Блуждают призраки родных
И – объясненья ищут?

Это, в общем, достаточно просто:
я не верю, что люди равны.
Мы не то, что бы разного роста:
мы — две разноязыких страны.

Прохожу испытание счастьем.
Я счастливой бывала нечасто
и не ведала я, что бывает,
когда счастье волной заливает,

как весною луга – половодьем.
Словно – конь, оборвавший поводья,
по зеленому лугу несется,
как шальное июльское солнце...

Прохожу испытание горем.
Прохожу свежескошенным полем,
увядания запах вдыхаю,
не вздыхаю – как осень, стихаю...

И замру под снегов пеленою,
чтобы снова очнуться – весною.

Путь

Между севером и югом,
Между недругом и другом,
Между летом и зимой
Я шагаю по прямой.

Ни порука круговая,
Ни дорога кольцевая,
Ни тропинка, ни лыжня
Не запутают меня.

У меня душа живая –
Линия береговая.
Ни к чему душе живой
Путь окольный,
По кривой.

Рандеву

Мы с тобою встретимся опять.
Снова будет нечего терять.
Я учусь загадочно молчать
и глазами весело мерцать.

Я поставлю музыку свою —
симбиоз стенаний и молитв.
Выдохнешь тихонько: “Ай лав ю...”
И попросишь что-нибудь из “Битлз”.

Вероятно, у тебя опять
симбиоз депрессии со скучой.
Я учусь загадочно молчать,
ну а ты — хоть до утра аукай.

Рецепты

По лицу стекали слезы,
по стеклу сползали взгляды...
Трезвость – средство от цирроза.
Пьянство – средство от разлада.

От любви лекарство – скука,
а от скуки детский бред.
Только смерть – такая сука, –
от нее и средства нет.

Рождество

акrostих

Рой белых пчел всю ночь витал над нами.
Они несли заснеженные сны –
Живет зима поверьями и снами,
Доставшимися ей от старины.
Ее букварь – бесшумный и блестящий.
Словарь – полузаытый, вековой,
Таинственный, но все же – настоящий,
Витающий, как снег над головой –
Отеческий, опальный, но – живой.

Сказка о спящей царевне

Не говорите мне об алкоголе –
В моей судьбе он не играет роли:
Я опьянею от десятка слов,
Которые придумаю под утро
В своей пижаме цвета перламутра,
Вязальной спицей пальчик уколов.
И упадет коварная иголка,
И спать сто лет под пологом из шелка
Я буду – и цветные видеть сны...
И видеть город,
Странный и любимый,
Беззвучный город,
Город-пантомиму,
С названьем чужедальней стороны.
Но эта сказка – не для слабонервных:
Ведь я совсем не спящая царевна.
Я родилась и выросла в стране,
Где спят в любви, в пути и на работе,
Где речи говорят в сплошной дремоте,
Где жизнь сама приснилась нам во сне.
И чтобы крепче спать – сдают посуду,
И лечат спиртом горе и простуду,
И на печи въезжают во дворец...
Там верят во Христа и чтут Иуду.
И я была там, есть, и, видно, буду,
Пока не скажут: “сказочке – конец!”...

Слежу за собой с интересом.
Нередко – со страхом слежу...
Как в чащу вечернего леса,
в смятенную душу вхожу.

Душа моя! Странная птица!
Настали тоскливые дни.
С тобою нельзя сговориться...
Попробуй тебя объясни!

Казалось бы, все хорошо –
дела мои благополучны.
Живу я не шумно, не скучно.
Чего тебе, птица, еще?!

Сама за спиною мосты
спалила. Почти и не больно...
Так будь весела и довольна!
Чего тебе, – знаешь ли ты?

Свободой сквозит от дверей.
Ознобом – на долгие годы...
Ты все же добилась свободы,
свободы отравной своей!

Судьба

Море слез не высыхает никогда.
Я не злая, не плохая, я – беда.
У больничной у кровати - шепоток.
Вся - не вовремя, некстати, невдомек,

Напролом, наперерез, не ко двору.
И – побег через крысиную нору.
Бездорожье, безлюбовье – волком вой.
Я – холопское сословье, я – конвой

С мордой хмурой,
замурованной душой,
С пулей-дурой или – раной небольшой...
Развороченная смертная вина.
Разворованная бедная страна.

Заколоченное мутное окно.
Заболоченное горькое вино.
Я у беженки в потертом узелке
И у нищего в протянутой руке.

Я кровавой,
вашей данью я кормлюсь.
Я за вашей дланью к ближнему стремлюсь.
Я – не ханская, не хамская орда.
Я – своя,
родная,
русская беда.

Так – ни уснуть, ни умереть –
запасть, как очи западают, –
к утру. Как в душу западают.
И этого нельзя *уметь*.

Уметь – нельзя. Но – может быть
такое с каждым хоть однажды.
Когда – ни голода, ни жажды
нет, и совсем не может быть.

Тебя давно со мною рядом нет,
с твоей самолюбивою любовью.
Но кто мне дарит этот тихий свет,
кто шепчет, наклоняясь к изголовью,
беззвучное и нежное “прости”?
Я просыпаюсь – лунный свет в горсти...

Туман

Тоска – это тоже изъян....
Хронически пьяный туман
тушует твои недостатки,
а тот, кто сегодня не пьян –
не хочет играть в эти прятки.
Но, верная жрица вина,
ты вовсе бредешь не одна
в тумане горячем и влажном,
и как порождение сна
летучий кораблик бумажный
коснется пугливой руки –
“летучий голландец” тоски,
и ты отшатнешься в испуге,
и недруга высмотришь в друге...

Ты была

Дата смерти все дальше и дальше.
Каждый год – однотонной резьбою.
Ты была значительно старше,
Мы теперь ровесницы с тобою.

Ты была совсем не блудница
и была отнюдь не невинна –
одичавшая домашняя птица,
осмелевшая наполовину.

Мне сейчас не лучше, не хуже...
А и плачу, то не зло –
опустело...

Я во сне ищу свою душу.
Ты во сне ищешь свое тело.

Ты пока что волен выбирать.
Только выбирая, не забудь:
ничего нельзя переиграть,
невозможно что-нибудь вернуть.

Знаешь, я могу зацеловать
или – головы не повернуть.
Если умирать – так умирать.
Если жить – то жить не как-нибудь!

Я, конечно, очень молода,
на поверть мне - все-таки мудра...
Хочешь, это будет навсегда?
Хочешь, это будет до утра?

У деревьев отчаянный вид,
осень крепко взяла их за горло.
Только ясень топорщится гордо:
пересохший лесной инвалид.
На него насыпает напрасно
осень – всю королевскую рать.
...И не то, чтобы вовсе не страшно, –
просто нечего больше терять.

Ты в душу, как змея,
тихонечко вползаешь.
Тебя не знаю я,
а ты себя не знаешь.

Ты стар, и одинок,
и молод, и наивен,
и низок, и высок,
всесилен и бессилен.

В потоке слез дождя
я улицу не вижу.
Я так люблю тебя –
почти что ненавижу.

У меня в глазах тоска и слезы –
даже цвета глаз не разобрать.
Больше всех погод любила грозы.
Больше всех цветов любила розы.
Ну какие могут быть вопросы –
и шипов колючих не видать.

Утешаться чем-нибудь да надо –
Ночь длинна, а дума тяжела.
Сладко-горькой долькой шоколада
Полночь нежно за щеку легла.

На балконе – шорох безответный,
Форточка качается слегка...
Пей до дна – ведь это незаметно,
Если скорби – лишних два глотка.

Что ни гость – сочувствия проказа,
Лицемерно-ханжеский обряд.
Мы знакомы были... До указа...
И дружили тыщу лет подряд.

Что ж, беду не трогают руками,
Соблюдая строгий карантин.
Пей до дна... Не жадными глотками...
Ну еще, еще, еще один!..

Юрию Панюшкуну

1.

У музыки – плывущая походка.
Ее ладони-крылья широки.
Она несется, как в тумане лодка,
Она легко несет твои стихи.

Прохладней, чем в июле минералка.
Теплее, чем загадочный Гольфстрим.
А нам себя так судорожно жалко,
И мы за ней бежим, плывем, летим...

2.

Мне приснилось,
Что я тебя снова люблю...
В небе звездные окна не все зажжены –
То ли спят,
То ли дома кого-нибудь нет.
Никогда не увидимся мы.

Бессонный ангел

Греет чай бессонный ангел.
Он печален, прост и дик.
Он безверьем нашим ранен,
Прост и дик его язык.

Поредели его крылья,
Нимб златой снесен в ломбард,
Чтобы сыпать звездной пылью
На усталый сонный град.

Он прикинуться не хочет
Ни кометой, ни звездой:
Белым днем и черной ночью
Хочет быть самим собой.

Канун

В городе запахло новогодьем –
Мандарины, хвоя, мишурас...
Пьяницы веселым половодьем
Шастают по городу с утра.

Заходи, товарищ мой приблудный,
Мы с тобой не виделись давно:
Хохоча, толкаясь, вместе будем
Разливать шипучее вино.

Станешь, за Отечество радея,
Толковать про русскую идею,
Ну а коль немного поцелуешь –
Раскраснеюсь и помолодею.

Лунные элегии

1.

Я живу невесело и скучно,
Но зато какие вижу сны...
Ночь меня зовет в свои излучины
Лживым лунным отсветом блесны.

Я от солнца прячусь в складках платья
Сумерек, похожих на меня.
Кто-то сочинил, что люди – братья,
Дети солнца, данники огня...

Может быть. Я этому не внемлю.
И у бренной жизни на краю
Все сильней люблю луну и землю
Как двойную родину мою.

2.

Замирают шаги вдали –
Кто-то ходит вокруг Земли.
Видно, мало на всех земли,
Если стольких уже сожгли.

Пусть меня погребут на Луне.
Предадут не земле, а луне.
Светлой памятью обо мне
Станет лунный свет в вышине.

Позабуду земные сны,
И бессменно вокруг Луны
Пусть витает душа моя,
Одинокая, как и я.

Любовь

Обовью любовью боль.
Люблю вволю.
Волю – олово в боль волью.
Лоб о лоб бью... в бою...
Лов?.. Вол?.. Вою?..
Юлою юлою любою?
О! Воюю! Ловлю!
Ловлю люблю.
Любовь в боль влюблю.
Лоб о лоб...
Боль о боль...
О! Лю-ю-ю-бовь...

Медовый Спас

Сосны верхушки прячут
Где-то там далеко...
Маленькая... И значит,
Заблудиться легко.

Ель тяжелым подолом
Прижимает к стволу.
В прошлом году веселой
Я выходила к столу...

В ковш наливал папаня
Сладкий духмяный квас, –
“Что же, заждалась, Аня,
Свой чистый медовый Спас?”

На что мне вода и пища!..
Знаю, что поутру,
Если меня не сыщут –
Я все равно помру.

Миллениум

Миллениум – в реанимации:
Планета в строгой изоляции,
В яйцо закатана тугое,
И я одна лечу в прострации
Геокосмическим изгоем.

На вершине горы

Ты живешь на горе.
Ты всегда в январе.
Ты не спиши никогда-никогда.
И всемирный потоп –
Только смирный поток.
Не речная – ручная вода.

Чистый-чистый немеркнущий свет
И мотив ледяных кастаньет...

На вершине горы –
Голубые дары
На хрустальных столбах ледяных.
Для того и живу:
Не во сне – наяву,
Чтоб увидеть когда-нибудь их.

Только мой добровольный герой
Тихо спит у себя под горой...

Ты не взял его плоть,
Милосердный Господь,
А душа его так тяжела,
Что, скользнув по лучу,
Ликovalа – лечу! –
И сама у подножья легла.

Прорастает меж каменных плит
Первозданный цветок-неофит...

О геройстве

Я – не герой. Я – героиня
Уже не одного романа.
Когда чудовищем двуспинным
Опять уносишься в нирвану,

Всего лишь хочется здоровья,
А в общем, больше ничего.
Я заплатила темной кровью
За магию и волшебство.

Остереги меня от скверны,
От неприкаянной хулы.
Обереги, Господь, неверных.
Они печально так смуглы...

Они идут через пустыню,
Песок заносит их следы.
Они несут свою святыню –
Сосуд завещанной воды.

Они усердно причитают
И нашей пищи не едят,
И о своем раю мечтают...
И в небо истово глядят.

Оно для всех благословенно.
И потому, и потому...
Благослови, Господь, неверных,
Подкидышей в родном дому.

Открытое письмо

Читайте строки на ладонях хрупких –
Отчетливые линии руки:
В обыденной житейской мясорубке
Мы были принудительно близки.

Берите строки грубыми горстями.
Вся жизнь моя – сплошной предсмертный час.
В своем застолье зваными гостями
Я более не ощущаю вас.

Мне не кружиться в ритуальном танце
У вашего священного огня.
Мои стихи, как отпечатки пальцев,
Непоправимо выдадут меня.

Пасхальная неделя

А у меня тюльпаны осыпаются
(Иешуа уже обнял Иуду).
На подоконнике лежат цветные яйца
(Я ничего зачеркивать не буду).

Да что ж такое! Успокойтесь, люди.
Пусть сердце рвется от любви, а не от боли.
Иешуа опять обнял Иуду.
И ты обнять кого-нибудь попробуй.

Песня прощания

В ночь убегаю на корабле –
Новенький, только что спущен со стапеля.
Брызги шампанского борт не царапали.
И ни пылинки на круглом стекле.

Иллюминатор насмерть задраен –
Мне и открыть не суметь.
Я выпиваю кубок за здравие
Или – за легкую смерть.

Ты продышал кругляшок на стекле –
Сделал домашний иллюминатор.
Ты не узнаешь мой новый фарватер –
В ночь убегаю на корабле.

В ночь уплываю, тихо молясь:
Мистификация удалась.

Полнолуние

Кокетка-ночь широкополой шляпой
Качает над уснувшим городком.
Котенок-месяц небо процарапал
Голубоватым нежным коготком.

Мы бессознательно обнимемся, как прежде.
А память нож вонзит по рукоять,
Лишая даже призрачной надежды,
Которой не пристало умирать.

Луна умрет. Серебряные спицы
Немедленно крутиться станут вспять.
И полнолуние снова повторится,
Но милые единственные лица,
Быть может, не сумеем мы признать.

Слушай, давай посмеемся!
Вот гитара – желта! – чем не солнце!
Это значит... Что значит это?
Ну, к примеру, настало лето.
Или праздник, или воскресенье,
Или просто мой день рождения.

Странник

Он вышел в заброшенный, стылый,
За сердце хватающий дол.
Туда, где кресты и могилы,
Он медленно-медленно шел.

Какое такое сиротство
Вело его сквозь бурелом?
Природы всерусское сходство,
Которая вся – о былом.

Здесь память в любом перелеске.
О прошлом – всегда невпад –
Берез золотые подвески
Почти безголосо звенят.

Он думал: “И мы – только гости,
А большего знать не дано...”
На сельском старинном погосте
Он пил молодое вино.

Он горло рукой обозначил,
И чуя укол кадыка,
Заплакал, что больше не плачет
Без нового злого глотка.

Тропа войны

Мы так по-новому нежны
И так внимательны друг к другу.
То прислонимся у стены,
То снова мечемся по кругу,

Как птицы, сорванные с мест.
Плыvем, как щепки, по теченью...
И слово каждое, и жест, –
Полны особого значенья.

Но что с того, что мы нежны?
Мы – вышли на тропу войны.

Увидела во сне Скотневского Бориса,
Он вежлив был и мил, как прежде – наяву.
И весело похож на юного Нарцисса.
Когда Поэта два – уже не randevu.

И мы стихи взахлеб, как некогда, читали.
И радовались вслух и букве, и строке.
В его лице мужи мне руки целовали,
И поцелуй пчелой резвился на руке.

Ученик

Я умру. Меня не позабудут
В череде событий и потех.
Нелюбимый ученик Иуда
Простоит у гроба дольше всех.

Выучит разлуки, как науки.
Небеса в тоске исколесит.
Он ко мне протянет первым руки.
Поцелует руки и – простит.

Художница Елене Терпиловской

Ты рисуй мою беду,
В дураках рождая зависть,
Потому что я уйду
По-английски, не прощаясь.

Нарисуй мою беду
Исключительно для близких –
Замечательно уйду!..
Не прощаясь, по-английски...

...чтобы было тепло, не холодно,
пусть немодно, пускай немолодо.
Надо, чтобы было тепло –
Для себя, не кому-то назло.
И согреешься, если поверишь.
Если раньше не задубеешь.

Август на даче

Лето желтое с запахом дынным.
Золотые шары в палисаде.
Все объято уютом старинным,
И сентябрь затаился в засаде.

Чай остывал. Ожидали тартинки.
Мы дышали вечерней рекой.
Только плотвы серебристые льдинки
Нарушали речной покой.

Ты не отпускал мои слабые руки.
Тихо сгущалась вечерняя мгла,
И на счастье речная излука
Перед нами подковой легла.

Мы забыли о городе дымном –
Хитросплетении уличных схем.
Лето желтое с запахом дынным –
Недолговечный земной Эдем.

СОДЕРЖАНИЕ

Високосный	3
Больше некому на руки пасть	4
Построй мне замок на скале высокой	5
Проводы в эмиграцию	6
Депрессия-1	7
Что кузнецик с зеленым смычком	8
В больничном парке	9
О	10
Моя музя	11
Не вожделею книгу к юбилею	12
Русский авангард	13
Забудем мелочные распри	14
Тучи	15
И вовсе я не набиваю цену	16
Несбывшееся	17
Возвращение	18
Окликал меня негромко	19
Волчица	20
Сомкнутся, как кусты сирени	21
Лечиться я ненавижу	22
Дворник ненавидит снегопад	23
Смерть опять убегает прочь	24
День ангела	25
Горбун	26
Актриса	27
Акростих	28
В мастерской художника	30
Все выпито	31
Богема	32
Всемирный потоп	33
Все чаще пробуждаюсь в темноте	34
Все эти вороньи ухватки	35
День рождения	36
Депрессия-2	37
Души взмывает окаянство	38
Еще я ожидала чуда	39
<i>Из цикла "ПОСЛЕ ЖИЗНИ"</i>	40
Что же, знала, что и я допою	40
...и видела во сне свое лицо	41
И нет Любви. Как не было любви	42
И, ощущив бессилие впервые	43
<i>Из цикла "ГОД РОЖДЕНИЯ"</i>	44

Опохмелочная маэта	44
Куда деваться бедному студенту	45
Монолог женщины	46
Моя маленькая келья	47
Не быть бы мне женой царя	48
Не надо меня больше хоронить	49
Не станем говорить обиняками	50
Непогода	51
Ни денег, ни зрелиц, ни хлеба	52
Ночные ужасы	53
Это, в общем, достаточно просто	54
Прохожу испытание счастьем	55
Путь	56
Рандеву	57
Рецепты	58
Рождество	59
Сказка о спящей царевне	60
Слежу за собой с интересом	61
Судьба	62
Так - ни уснуть, ни умереть	63
Тебя давно со мною рядом нет	64
Туман	65
Ты была	66
Ты пока что волен выбирать	67
У деревьев отчаянный вид	68
Ты в душу, как змея	69
У меня в глазах тоска и слезы	70
Утешаться чем-нибудь да надо	71
У музыки – плывущая походка	72
Бессонный ангел	73
Канун	74
Лунные элегии	75
Любовь	76
Медовый Спас	77
Миллениум	78
На вершине горы	79
О геройстве	80
Остереги меня от скверны	81
Открытое письмо	82
Пасхальная неделя	83
Песня прощания	84
Полнолуние	85
Слушай, давай посмеемся	86
Странник	87
Тропа войны	88
Увидела во сне Скотневского Бориса	89
Ученик	90
Ты рисуй мою беду	91
...чтобы было тепло, не холодно	92
Август на даче	93

Любовь Валентиновна Бессонова

ДЕПРЕССИЯ

Редактор **В. Смирнов**
Макет, верстка **В. Леванов**

Литературное агентство Вячеслава Смирнова

ИД № 00092 от 27.08.99.

Отпечатано в Димитровградской типографии
ул. Юнг Северного флота, 107
Заказ №

Подписано в печать 25.06.2002.

Формат 60x84/16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная

Объем печ. л. - 6.

Тираж 200 экз.